

Юрий Александрович Ермаков

доктор философских наук, профессор, директор
Центра деловых и политических коммуникаций
Уральского федерального университета
им. Первого Президента РФ
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: jury.ermakov@urfu.ru

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТЬЮ: РОЛЬ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАЧАЛ

Сегодня коррупцию публичной власти в органах государственного и муниципального управления рассматривают как юридическую, экономическую, политическую или социокультурную проблему. Однако в российской и зарубежной обществоведческой литературе не встречается работ, в которых были бы теоретически раскрыты природные корни этих извечных злоупотреблений в деятельности властей преобладающих в разных странах. Между тем именно естественные начала, связанные с происхождением и эволюцией *homo sapiens*, с его сложившимся видовым обликом в качестве «политического животного» (Аристотель), по мнению автора, подвигают нередко должностных лиц к злоупотреблениям своими полномочиями и доминированием в социуме. Группа иерархических наклонностей, унаследованная человеком от своих предков-гоминид, или возникшая конвергентно, то есть в сходных с другой животной родней условиях выживания и для соответствующих им целей, по-прежнему предрасполагает людей к конвертации имеющейся у них власти в собственные выгоды. Словом, человек, как и его родственники в природной среде, использует подчас иерархию соподчинения индивидов не только в качестве инструмента управления обществом, но и как средство, позволяющее неправомерно извлекать для себя жизненно важные блага и ресурсы. Так, многие схожие способы своекорыстного манипулирования властью и иерархией в сообществах людей и животных, обеспечивающие им в этих случаях «цепь взаимного кормления», стирают вместе с тем, казалось бы, очевидную социокультурную грань между ними. В статье подчеркивается, что коррупция существует не только в силу несовершенства, реликтовых и хищнических компонентов природы человека, но, главное, из-за экономических, правовых, политических и этических причин. Однако в государственных и общественных мерах по ее искоренению естественно-природный фактор также требует внимания, учета и эффективного противодействия.

Ключевые слова: иерархия, власть, врожденные программы поведения, должностные полномочия, административная рента, иллегальная коррупция.

Связи коррупционных наклонностей, выявляемых при общении индивидов к власти, с самой природой человека, с ее социобиологической эволюцией, пока еще не стали актуальным и развернутым предметом научного анализа. Они достаточно поверхностно и спорадически обсуждаются в российской и зарубежной общественно-научной литературе (См., напр.: Жувенель Б. 2011: 170-174; Нисневич 2014: 33-39; Нисневич 2016: 62-65; Darden 2008: 38). Для нашей страны это, скорее всего, объясняется сохраняющимся еще с советских времен, без преувеличения, культовым пониманием сущности человека как «совокупности всех общественных отношений» (К. Маркс). А оно, в свою очередь, переносится подчас и на попытки раскрыть естественные основания его природы, стесняет анализ ее биологических компонентов и предковых поведенческих программ. Кроме того, в международной литературе сама проблематика коррупции как фактора угрозы развитию планетарной человеческой цивилизации стала отчетливо и масштабно осознаваться лишь в последней четверти XX – начале XXI в. Поэтому для всестороннего и углубленного анализа данной темы пока еще, по-видимому, не пришло время. Хотя уже сегодня предпринимаются первые попытки создания «глобального антикоррупционного режима», включающего различные страновые и национальные дискурсы (Slager 2017: 372).

Между тем наличие врожденных программ в поведении человека в процессе эгоистического и своекорыстного манипулирования им публичной властью (а это и есть, по существу, коррупция) можно бы было предположить в результате раскрытия его видовой характеристики, данной в свое время еще Аристотелем. Понимая его сложный облик прежде всего как «политического животного» (Аристотель 2016: 4-7), великий знаток живой природы, конечно, в первую очередь, оценил уникальность человека среди других существ, сделав акцент на атрибуте «политическое», иными словами, полисное, живущее в Древней Греции в небольших, иерархически оформленных городах-поселениях и способное к высшей форме общения – политике, обеспечивающей, по его словам, «благую жизнь» в совместном существовании людей. Однако Аристотель прямо указывает и на то, что человек, в сущности, остается живым природным существом, животным (гр. ζῷον πολιτικόν), и в его

поведенческой активности, следовательно, присутствуют биологические программы, сложившиеся в его прошлой и настоящей жизни.

Надо сказать, что некоторые ученые в этом хорошо известном утверждении Аристотеля ищут иносказательный смысл, хотя он фактически называет человека своим собственным именем. Словом, он указывает на его двойственную природу – общественно-политического и естественно-биологического существа. Уместно здесь вспомнить, что впоследствии и в учении Ч. Дарвина появилась хорошо известная сегодня мысль о том, что различия между мышлением человека и животных носят не столько качественный, сколько количественный характер. Впрочем, эта мысль основоположника теории естественного отбора до сих пор вызывает в науке неутраченные споры (Марков 2013b: 17, 65).

Вместе с тем очень важно, что наряду с «политичностью» природы человека именно критерий коррумпированности, то есть «порчи», «разложения» и «уничтожения» государства (лат. *corruption*), позволил Аристотелю отделить так называемые «правильные» формы правления от «неправильных». При этом к правильным (монархия, аристократия, полиция) он относил те, в которых преобладают заботы об общем благе, о солидарности сограждан и народной пользе. А к неправильным (деспотия, олигархия, демократия неимущих) он причислял такие виды государственного устройства, при которых царит стремление правителей к собственным выгодам в ущерб общим интересам граждан (Аристотель 1997: 105, 124).

Примечательно, что в 70-х г. XIX в. русский мыслитель анархического толка М. Бакунин также обосновал древний возраст коррупции и, что удивительно, ее определенную приемлемость для существования государства. «Никогда не было государства, – указывал он, – которое в той или иной мере не прибегало бы к коррупции как к средству управления» (Бакунин 1990: 71). При этом коррупцию он считал совокупностью преступных деяний, однако вслед за Макиавелли подчеркивал ее способность в некоторых случаях становиться государству в известном смысле полезной. «С того момента, – подчеркивал он, – когда преступление начинает служить орудием государства, оно становится добродетелью» (Бакунин 1990: 74).

Наиболее ясно и отчетливо природная подоплека связи власти как структурного компонента иерархий доминирования и лидерства с склонностями биологических индивидов присваивать чужие блага и ценности описана в работах российских и зарубежных этологов (Валь 2016: 221-222; Дольник 1994а: 12-21; Дольник 1994b: 37-45; Моррис 2016: 167-169).

На большом эмпирическом материале они показывают, что, например, у приматов, включая высших, типичные и многообразные приемы присвоения и хищений у своих сородичей пищи являются не только своеобразными способами «кормления» животными друг друга. Данные хищнические приемы, наряду с построением «пищевой цепи», содействуют и созданию, укреплению централизованной иерархии – соподчиненности особей сообразно их силе, агрессивности и ловкости, способностям к доминированию и ко всяким хитростям в использовании своего рангового потенциала. В свою очередь, укрепленная в биосоциальной системе на основе этих качеств и взаимного кормления особей иерархия может способствовать налаживанию их кооперативного взаимодействия, упорядочиванию их сообществ, она повышает шансы животных на выживание. Более того, устоявшиеся отношения господства и повиновения структурируют отношения между полами, способствуя тем самым появлению жизнеспособного потомства (Марков 2013а: 84-88).

У биологов и этологов вслед за Аристотелем почти нет сегодня сомнений в том, что по своей изначальной природе *homo sapiens*, будучи «политическим животным», остается, говоря языком естественников, «иерархическим приматом», что, по сути, одно и то же (Валь 2016: 225-260). И, стало быть, вполне резонно можно полагать, что сопутствующие его социобиологической эволюции и отношениям соподчинения врожденные программы поведения в стадных иерархиях также никуда не исчезли. Более того, они обнаруживают себя в природоподобно организованном до сей поры, то есть вертикально и иерархически интегрированном с помощью власти, человеческом социуме.

Вместе с тем представляется чрезвычайно значимым и тот факт, что при огромном разнообразии в истории человечества различных культур, народов и локальных цивилизаций преступления коррумпированной направленности носят у них во многом единообразный и однотипный характер. Это важное

обстоятельство, независимо от разнообразия национальных и ментальных мотивов данных правонарушений, позволяет сегодня международным организациям (ООН, ГРЕКО, Трансперенси Интернешнл) вырабатывать совместные и единые законодательные нормы антикоррупционной политики в разных странах. Более того, составы этих преступлений – взятки, присвоения и растраты, незаконного обогащения, мошенничества, превышения должностных полномочий, других видов преступного захвата чужого добра – удивительным образом уподобляются типичным приемам хищений, завладения и отъема жизнеобеспечивающих ресурсов среди высших приматов, да и отчасти у других животных. При этом совпадений между характерными формами такого присвоения и захвата чужих благ в контексте иерархий у человека и животных вполне достаточно для того, чтобы не считать их совершенно кажушимися и случайными.

Поэтому, думается, интереснее и полезнее будет более пристально и детально рассмотреть эту, пока не очень зримую, связь между чисто природными и человеческими алгоритмами своекорыстного манипулирования властью, которые могут использоваться в ущерб развитию и гуманизации общества.

Следует вспомнить, что еще в XIX в. наука в лице выдающегося биолога К. Линнея установила, что человек, если исключить его божественное происхождение, относится к виду приматов. В XX в. эволюционной биологией было выявлено, что его ДНК на 96% (по другим исследованиям на 98,8%) является общим с высшими приматами. И небольшое в процентном отношении расхождение в генетическом коде – результат независимой эволюции человека и его сородичей в течение 6–7 млн лет. Кроме этого, нейробиологии не удалось пока найти ни одного участка человеческого мозга, которому не нашлось бы соответствия, например, в мозге его ближайших родственников – шимпанзе или бонобо. Эти продвинутые в своем развитии обезьяны способны обладать активным тезаурусом до 600 слов, подняться в своем интеллекте до уровня 3–4-х летнего ребенка и ловко выполнять элементарные операции с использованием простейших орудий труда (Жуков 2016: 348-366).

К тому же этологией, исследующей инстинктивное поведение животных и человека, была высказана важная мысль и о том, что в тех действиях *homo sapiens*, которые отмечены

печатью эффективности и продуктивности, присутствует, скорее всего, природная подоплека. Она представляет собой бэкграунд разнообразных инстинктивных приспособительных реакций к природной и социальной среде, который накоплен в результате эволюционного развития (Моррис 2016: 45-56). Эта мысль представляется важной и достоверной, поскольку миллионы лет животного существования предков людей совершенно несопоставимы по своему влиянию, его силе и глубине, лишь с десятками тысяч лет культурных достижений *homo sapiens*, развития его разума и осмысленного изменения им окружающей среды. И если исходить из этого временного соотношения и масштаба жизненного контекста, то в своем нынешнем облике как вид живых существ человек остается пока лишь незрелым дитятей, которое регулярно и закономерно подвержено прихотям своих естественных наклонностей и свойств.

Так, у предков человека в организации общностей сотни тысяч и миллионы лет существовала централизованная иерархия – соподчинение особей в стаде и семье в зависимости от их физической мощи, агрессивности, возраста и пола. Доступ к пище, укрытиям и местам обитания, к партнерам для спаривания, другим важным ресурсам регулировался исходя из ранга особей в биосоциальной системе. Иерархия при этом смягчалась сетевыми, эгалитарными формами взаимодействия, в которых присутствовали определенное равенство индивидов и их кооперация, как это было, в частности, у охотников-собирателей. Вместе с тем наличие у человека группы иерархических инстинктов подтверждается и параллельным развитием у его родственников, например у шимпанзе и павианов, исходно близких приспособительных программ, включающих стремления к доминированию и повиновению в стаде. При этом генетическая основа этих конвергентных, то есть сближающихся по определенным признакам и элементам модусов поведения у наших прямых предков и у ближайших родственников может быть разной. Но выбатывались они в аналогичных социоприродных условиях выживания и для соответствующих им целей, решая задачи существования их сообществ и репродуктивного успеха.

Например, наверху вертикально интегрированных общностей у них и у нас по сей день находятся доминанты («лидеры», «вожди», «авторитеты»), за ними следуют субдоминан-

ты («правлящие круги», «элита»), а внизу социальных пирамид действуют «простолюдины», «обычные люди», «рядовые граждане». Есть в этих параллельных иерархиях и «дно», где обитают «отщепенцы», «изгои», «подонки» и «воры» (особи низкого происхождения и асоциальные), которыми можно не только управлять, но и помыкать. Следует отметить, что самцы в стаде многих общественных приматов часто большую часть жизни борются за высокое положение на иерархической лестнице, поскольку оно позволяет не только влиять на расстановку сил в сообществе, но и иметь наиболее лакомую пищу, привлекательных самок, удобные укрытия и комфортные для повседневного обитания места. Одним словом, власть как структурный компонент имманентна различным иерархиям; она и по сей день влияет на конфигурации социальных отношений и в животном, и в человеческом мире. Здесь нелишне вспомнить, что преобладание иерархии в обустройстве первобытных общин людей усилилось в связи с развитием агротехники и сельского хозяйства, продукцию которого надо было не только сохранять, но и распределять (Марков 2013b: 273-274). Очевидно, что с «пакетом» инстинктивных иерархических программ поведения, отработанных миллионами лет группового выживания и естественного отбора, люди вступили в имущественные, социальные и политические отношения между собой.

В этом «пакете» есть, например, естественная программа отнятия различных благ у своих сородичей, стоящих на нижних ступенях иерархии. Примечательно, что действует она у животных без применения физического насилия, получение благ идет, так сказать, «по чину», то есть по праву рангового превосходства и доминирования (Дольник 1994b: 38). Среди общественных обезьян, например, подчиненные особи, как правило, покорно и безропотно отдают те свои блага – лакомые куски пищи, привлекательных самок, даже занимательные безделушки, которые вызвали живой интерес доминанта. Подчеркнем, что этот способ «неправомерного присвоения» не только принуждает передавать ценности по вертикали снизу вверх, но и к тому же укрепляет прочность иерархического соподчинения, необходимого в организации групповой жизни.

Природоподобный аналог эта инстинктивная предковая программа имеет издавна в человеческом обычае подносить

разнообразные подарки должностным лицам в расчете на их покровительство и благосклонность. В первобытных общинах существовало известное правило делать регулярные подношения вождям и жрецам, дабы добиться их расположения. Предки славян, например, в своих языческих ритуалах, чтобы не прогневить божество плодородия, обмазывали медом его деревянному изваянию рот и губы. Впоследствии родилась и популярная поговорка об ублажении носителей власти – «не подмажешь – не поедешь». С ветхозаветных времен известны в России и традиции «кормления» государственных слуг – воевод, дьяков и подьячих, других служивых людей, «приносы» им разнообразной пищи и утвари, а также так называемые «почести» им и «посулы», «магарыч» и «поминки» для ускорения частных дел просителей, которые в Древней Руси и взятками-то не считались. Словом, вполне можно полагать, что на основе врожденной биопрограммы выросла целая субкультура иллегальной коррупции – корыстных де-факто отношений начальства и рядового люда, и она обрела впоследствии институциональное оформление. По византийской традиции в Древнерусском государстве из-за его бедности содержание чиновников было возложено на население, проживающее на вверенной им территории. Нормативное закрепление инстинктивной обусловленности таких отношений бюрократии и жителей в конечном счете состоялось в первом сборнике правовых актов «Русская правда» в XI в. Князь Ярослав Мудрый прямо указал в нем на ответственность простых людей в отношении материального обеспечения своих наместников, установив наказания за неисполнение этого повеления (Ермаков 2017: 71).

Примечательно, что и сегодня российская бюрократия использует в обиходе «дары» своих благодетелей и просителей. Ее сановные представители носят иногда напоказ часы стоимостью тысячи, а то и десятки тысяч долларов, облачаются в супермодную одежду дорогих мировых брендов, «рассекают» на новых автомобилях и яхтах, подаренных богатыми доброхотами. Кое-кто из государственной управленческой элиты, имея загранпаспорта с многолетними визами, приобретает роскошную недвижимость за рубежом, оформляет через подставных лиц валютные счета в Цюрихе и Лондоне, обучает своих детей в Гарварде и Оксфорде и отдыхает от «трудов праведных» на

Лазурном Берегу. Вряд ли все эти блага можно честно заработать даже тяжким многолетним трудом на российской государственной или муниципальной службе.

В связи с этим весьма интересно, что в начале двухтысячных годов организация «Трансперенси Интернешнл» начала публиковать в мировой прессе «индекс взятокдателей» – исследования о том, как часто и охотно дают взятки предприниматели в той или иной стране (Transparency... 2006). В этом списке Россия добилась весьма сомнительного первенства – в 2003 г. она заняла в нем лидирующее положение (Андрианов 2011: 115). Этот ошеломительный рекорд страны еще раз заставляет вернуться к нашему предположению, что мздоимство и лихоимство кроме конкретных выгод их бенефициарам, скорее всего, имеет и хорошо отлаженную за сотни тысяч и даже миллионы лет инстинктивную основу.

Другая предковая программа присваивающего поведения, многократно описанная биологами и имеющая аналоги в человеческих действиях, – захват и удержание самого источника благ. У животных пользуются спросом, в первую очередь, богатые кормом места и территории, водные ресурсы и плодоносящие деревья и растения, съедобные трупы зверей и в качестве охотничьей добычи стада малоподвижных животных. Этим добром завладевают, как правило, самые сильные и агрессивные, они изгоняют всех других на него претендентов. Известные примеры, когда кормушку у голубей, синиц или краюхи хлеба у гусей и уток присваивают в результате схватки с сородичами самые бойкие и настырные, встречаются на каждом шагу. Есть и более изощренные способы завладения источником благ у других видов: в волчьей стае этим занимаются уже не в одиночку, а группой. Очевидно, что прихватить плодородные источники могут, как правило, самые ловкие, сильные и злобные особи, поэтому для других сам факт обладания ими – свидетельство правомерности их власти и авторитета.

У человека схожая программа проявляется уже в раннем детстве – в схватках малолетних за детсадовские игрушки, в борьбе за обладание различными ресурсами в городских подворотнях и на деревенских улицах. Впрочем, и взрослые, облеченные властью, пускаются во все тяжкие, захватывая правдами и неправдами ценные общественные активы – дорогие

и плодородные гектары земли, крупные бюджетные ресурсы и прибыльные предприятия в процессе приватизации, рентные доходы с вывоза из страны нефти, газа, леса, металлов, рыбы, других природных богатств. Кроме того, должностные лица стараются подчас контролировать чужой бизнес так, чтобы обеспечить себе регулярный «приход» барышей за предоставление предпринимателям налоговых послаблений, имущественных льгот, государственных и муниципальных заказов. Самым губительным для общества случаем является захват и узурпация в целях обогащения вершин публичной власти – должностей высшего чиновничества в министерствах, в судебной, надзорной, силовой, информационной системах. Затем они превращаются в «плодоносящий источник» стяжательства для политических клик, кланов, для доминантных групп, образующих коррупционные сети и управляющих на их основе теми или иными сферами общества.

Еще одна простейшая программа – отнятие чужого пропитания или имущества силой – есть у многих общественных животных, включая приматов. Часто уже детеныши начинают обирать и грабить своих сверстников и сородичей прежде других полезных контактов с ними. А в зрелом возрасте завладение чужим добром уже случается не только благодаря физической мощи, но и с использованием иерархического преимущества особей. Причем делается это подчас, к примеру, у стадных обезьян в символической форме: вручил какую-либо подачку особи ниже рангом, а затем тут же ее отнял. Так подается сигнал об иерархическом превосходстве и необходимости укреплять соподчинение повиновением и его знаком – дарами (Дольник 1994b: 39).

Эта программа поведения общественных животных очень напоминает чиновничье давление, принуждение и беспардонное вымогательство подношений, «откатов», незаконных «взносов» и платежей из карманов граждан в обмен на действие или бездействие администраторов-бюрократов. Умение так выстроить нормативные требования для платежеспособных и имеющих гражданских лиц, чтобы они эту «обдиравку» могли терпеть и признавать, относится к высокому начальственному искусству «работы с населением и бизнесом».

Впрочем, отметим, что у общественных животных откровенное, в соответствии с рангом и «чином», ограбление нижестоящих уравнивается другим врожденным способом заполуче-

ния чужих благ – их тайным похищением. Причем это воровство принципиально отличается от «начальственного» грабежа и принуждения к подношениям тем, что его совершают особи, стоящие по рангу ниже обкрадываемых. Поэтому «тащиловка» совершается скрытно, с применением разного рода уловок и ухищрений. А искусно стянув, подневольные животные убегают и ворованное прячут или все съедобное незаметно поглощают. При этом чем жестче иерархическая структура стада, тем сильнее, например у общественных обезьян, процветает воровство. Отсюда вполне достоверным является утверждение о том, что в устойчивом соотношении «начальственного» грабежа, с одной стороны, и тайных хищений подчиненными особями у иерархов – с другой, балансируются и упрочиваются в итоге отношения господства и повиновения в стаде. У людей раскрадывание прислугой различных ценностей, принадлежащих богатым хозяевам, – типичная картина преступлений и правонарушений в иерархических отношениях. Так, известно, что знаменитые уральские промышленники Демидовы допускали тайное присвоение управляющими их заводов и домовладений до 10% хозяйских доходов. Они считали этот приварок к официальной оплате работы своих управителей неизбежным и не наказывали за него.

Есть еще несколько «клептократических» программ у животных, которые содействуют функционированию властной вертикали в их сообществах. Аналоги этих программ иногда без труда можно найти среди злоупотреблений должностными лицами своим положением в человеческом социуме. Например, как уже говорилось выше, среди стадных собакоподобных обезьян – павианов, бабуинов, гамадрилов – борьба за иерархический ранг составляет основную часть их жизни. Доминантное положение позволяет тем, кто его добился, получать больше «радостей» в жизни, обеспечивает лучшую выживаемость и репродуктивный успех в потомстве. Между тем обезьяны, занимающие низкое положение, особенно те, кто находится на дне пирамиды («поддонки»), хронически пребывают в стрессе, чаще испытывают страх, тяжелее болеют и меньше живут. Однако не без влияния прессинга доминантов они освоили искусство настырного попрошайничества, которое смягчает давление властной вертикали и делает их жизнь более сносной. Как утверждают этологи, у животных способность клянчить что-либо направлена, как

правило, снизу «вверх», к тем, кто более силен и выше по рангу, обладает влиянием и может чем-либо ценным поделиться.

Изошренное попрошайничество, вымогательство и назойливые просьбы, адресованные состоятельным и богатым гражданам, о спонсорстве и «поддержке» развиты и в бюрократическом сословии. Чиновники с энтузиазмом формируют, в частности, различные внебюджетные и социально значимые фонды, которые, однако, обслуживают их собственные нужды и меркантильные интересы. Или заняты построением таких административных барьеров при создании, регистрации и расширении частных предприятий, фирм, что эти препятствия вызывают оторопь у предпринимателей, и они вынуждены за их преодоление давать «барашка в бумажке». Можно полагать, что звериные навыки вымогательства и попрошайничества никуда не делись, они лишь обрели превращенные формы и «цивилизованное обличье» и по-прежнему служат подчас для прокорма прожорливого чиновничьего племени (Заостровцев 2000).

Поэтому представляется, что природоподобие своекорыстных манипуляций властью и соподчинением между человеческими индивидами позволяет сделать некоторые полезные выводы.

Во-первых, предположение о том, что коррупционные преступления имеют своими природными предпосылками видовые инстинктивные программы поведения высших приматов (и многих других животных) в отношениях соподчинения между собой, вполне обосновано обширной фактографией. Правда, у сородичей человека среди общественных приматов способности присваивать чужое – отнять, ограбить, обобрать, похитить не принадлежащие им блага обладают с оценочной точки зрения вполне нейтральным и, можно даже сказать, во многих случаях полезным значением. Цепь взаимного кормления, вырастающая из комбинаций этих способностей (отнятие силой, к примеру, в соподчинении уравнивается попрошайничеством) поддерживает в итоге ранговое обустройство животной общности. А это ее строение, в свою очередь, позволяет гасить губительные конфликты между особями, содействует организации защиты стада от внешних угроз и нападений и преодолению различных напастей в процессе коллективного выживания. Наконец, иерархические отношения, видимо, способствуют в результате естествен-

ного отбора и воспроизводству жизнеспособного потомства от наиболее сильных и стойких организмов.

Конечно, нам подчас трудно принять такое «внеморальное» строение иерархии и власти в природе, поскольку подобные действия у людей имеют очень часто прямое продолжение в статьях Уголовного Кодекса и подвергаются общественному ostrакизму. Однако в определенные времена публичная власть в человеческом социуме также прибегает к клептократическим методам своего сохранения, чтобы на их основе управлять обществом. И тогда инстинктивный эволюционный задел этих методов становится вполне востребованным.

Во-вторых, можно полагать, что звериные корни коррупции дают о себе знать в маниакальных алчности и стяжательстве – этих тайных и грозных страстях к обогащению должностных лиц, их наркотическом «опьянении» от коррупционных возможностей власти. Погрузившись в несправедные дела, некоторые правители и служивое племя уже редко когда могут остановиться. Разумеется, здесь играет роль и чудодейственная сила самой дискреционной власти (от фр. *discretionnaire* – зависящий от личного усмотрения): присвоенные и захваченные с ее помощью, скажем, деньги и драгоценности волшебным образом возрастают на порядки и могут уже измеряться не штуками, а десятками килограммов, а, к примеру, земельные участки – тысячами гектаров¹. Так природное «криминальное» наследие обнаруживается воочию в авантюрной отчаянности и фанатизме коррупционеров, которые дерзко присваивают крупное имущество и гигантские денежные суммы вопреки благоразумию и угрожающему риску быть схваченными за руку. И подвергнутся беспощадному ostrакизму со стороны общественного мнения. Вместе с тем не следует забывать, что если рядовому гражданину требуется значительная часть жизни, чтобы обрести собственное комфортное жилье, земельный надел, современное транспортное средство, то с помощью магии власти человек может получить все это в мгновение ока и к

¹ Вспомним сподвижника Петра I Алексашку Меньшикова, обладавшего богатством, превосходящим годовой бюджет Российской империи. Или нынешних экс-чиновников Васильеву (Минобороны) и Хорошавина (экс-губернатор Сахалина), у которых изъятые Следственным комитетом РФ драгоценности и денежные купюры измерялись десятками и даже сотнями килограммов (Васильева... 2014: 40).

тому же нередко в неизмеримо больших масштабах. Вот почему дьявольское искушение быстро разбогатеть и стать свободным от плена повседневных нужд испытывают, обретая власть, многие, но устоять против него могут далеко не все.

В-третьих, думается, что предковый характер хищений, отъема и грабежа, эволюционные программы завладения чужими благами дают о себе знать и в сокрушительных масштабах коррупции, ее всепроникающем свойстве присутствовать в основных сторонах деятельности публичных властей. Исчезнув в результате действительных антикоррупционных мер в одной сфере, клептократические пристрастия, вызванные наличием власти и доминированием, спонтанно проявляются в другой. Словом, благодаря иерархическим наклонностям, пронизанным интенцией стяжательства, коррупция выступает не только системным, но и системообразующим фактором, регулярно возрождающимся в самых разных областях деятельности носителей власти. В этой своей особенности она подобна стихии гниения, порчи, распада, поражающей со временем любые материальные тела и вещи. И, конечно, она приводит к деградации, упадку и слому здоровых общественных отношений, которые, как и все сущее в мире, требуют усилий по их поддержанию, «санитарной обработке» и обновлению.

Подчеркнем, что природные программы поведения действуют в значительной степени бессознательно, поскольку врожденную мотивацию человек, отправляя власть, как правило, не чувствует. Хотя и считает, что действует по собственному разумению, что он сам так решил, так ему надо. Вместе с тем это совсем не означает, что он «слепой раб» своих инстинктов и в нем в этих случаях «мироточит» вроде как звериное существо, обращающее его в заурядного примата. Как подчеркивают многие нейробиологи и психологи, между наследственными, записанными в комбинациях генов, программами и реальными актами поведения существует множество дополнительных звеньев – от кодирования белков (этим занимаются сами гены) до самых разнообразных нейронных процессов, на которые, в свою очередь, влияют элементы культуры и психологии конкретного индивида. Вот почему врожденные биопрограммы и соответствующие им эмоции, в которые вплетены и определенные ценности (ориентация на справедливость, например), как

правило, не диктуют и не приказывают нам что-либо делать. Они, скорее, мягко, так сказать «нашептывая», направляют нас, подталкивая постепенно к определенным шагам. И лишь в настойчивой склонности действовать именно так, а не иначе, идти по определенному пути, проявляет себя, думается, та или иная эволюционная программа. При этом не следует забывать, что сознание, мышление человека в данных случаях лишь обслуживает природные устремления, как оно делает это, скажем, при выборе полового партнера, желании утолить голод и жажду или помогать своему потомству в силу родительских инстинктов, свойственных большинству животных, включая человека.

Вместе с тем у последнего остается и определенная свобода действий, позволяющая делать осмысленный выбор, сопряженный с его культурой, нравственностью и воспитанием. Вот почему в ситуации господства над другими людьми или повиновения им человек лишь предрасположен и рискует заблокировать, пробудить свои не очень приятные природные склонности. И тогда снова стать соответствующим своей реликтовой природе существом – лихим и вороватым представителем популяции приматов, то есть на время «одичать» вновь. Примеров такого вырождения людей при власти и в процессе отправления ими больших ее полномочий несть числа.

Раскрытие «животных аспектов» природы коррупции позволяет понять, почему чисто общественные антикоррупционные меры, как показывает опыт многих стран мира, дают лишь частичный, а подчас только паллиативный эффект. Ведь он не затрагивает разветвленные в видовом эволюционном наследии *homo sapiens* укорененные ее начала. И чтобы их купировать, должностным лицам, выполняющим публичные функции, при выборе персональных вариантов отправления властных полномочий необходимо глубоко осознавать риски и цену потерь – имущества, свободы, репутации, достойной пенсии, авторитета в своей семье – в случаях совершения ими коррупционных преступлений. В отличие от преступлений страсти типа насилия и даже убийства, когда их субъект подчас и не думает о возможности его наказания, лица, вовлеченные в коррупционную деятельность, обычно знают законы, которые они нарушают, и тщательно скрывают свои деяния. Поэтому такой сильный природный инстинкт, как страх, и соответственно меры устрашения

становятся опорным фактором подавления разгула коррупции и обуздания губительных человеческих наклонностей, вызываемых «дьявольскими силами» власти. Как говорится, одним врожденным и пагубным страстям нужно противопоставить столь же сильные другие, способные избавить от буйства пороков.

Кроме того, в силу врожденности естественных программ, частично обуславливающих поведение в структурах власти, и их принципиальной неустрашимости важно ликвидировать, где это удается, саму возможность коррупционных действий. Так, законы, принимаемые без достаточной экспертизы, имеют нередко множество лазеек и простора для проявления корыстного своеволия должностных лиц. Поэтому гражданский юридический контроль за проектами нормативных актов также должен стать обязательной процедурой законодательного процесса (Мартыянов 2014: 122). При этом радикальное замещение скрытых от посторонних глаз официальных деловых контактов носителей власти с населением интернет-платформами «электронной демократии», «виртуального правительства» и «государственных услуг» также, разумеется, будет содействовать изживанию коррупционных явлений. Регулярное кадровое обновление высшего состава власти имущих в политике, в государственном и муниципальном управлении, ротация и сменяемость должностных лиц – еще одна важная демократическая мера противодействия пробуждению иерархо-клептократических биопрограмм. И, конечно, необходимо всячески поощрять честность, непредвзятость и объективность в деятельности представителей власти, их умеренность и неприятие роскоши, излишеств на работе и в быту. Таким образом, устрашение и сокращение реальных возможностей для злоупотреблений властью, стимулирование здоровых человеческих качеств и ценностных ориентаций – базовые факторы, уменьшающие риск коррупции, воспроизводство и расширение сфер ее экспансии. Если этого не делать, то сплетение дискреционных властных полномочий с естественными аспектами их отправления могут дать о себе знать самым неожиданным и разрушительным образом.

Материал поступил в редколлегия 14.09.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андрианов В.Д. 2011. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. М. : Экономика. 304 с.
- Аристотель. 1997. Политика. Афинская полития. М. : Мысль. 458 с.
- Аристотель. 2016. Политика. М. : АСТ. 384 с.
- Бакунин М.А. 1990. Коррупция; О Макиавелли; Развитие государственности // Вопр. философии. № 12. С. 69-77.
- Валь Ф. де. 2016. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики. 272 с.
- Васильева выплатит ущерб перед государством бриллиантами? 2014 // Аргументы и факты. 19 июня. № 23. С. 40.
- Дольник В.Р. 1994а. Естественная история власти // Знание-сила. № 10. С. 12-21.
- Дольник В.Р. 1994б. Естественная история власти (окончание) // Знание-сила. № 11. С. 36-45.
- Ермаков Ю.А. 2017. Коррупция публичной власти: российский вариант. Опыт противостояния. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 288 с.
- Жувенель Б. де. 2011. Власть: Естественная история ее возрастания. М. : ИРИСЭМ : Мысль. 546 с. (Полит. наука).
- Жуков Б. 2016. Введение в поведение. История наук о том, что движет животными и как их правильно понимать. М. : АСТ : CORPUS. 400 с.
- Заостровцев А. 2000. Концепция «извлечения ренты»: экономическая теория политического вымогательства и российская практика // Изв. С.-Петербург. ун-та экономики и финансов. № 3. С. 48-63.
- Кузнецов И.Н. (сост.) 2009. Кодекс вождей и политиков всех времен и народов / сост. И.Н. Кузнецов. Ростов н/Д. : Феникс. 749 с. (Вечные истины).
- Марков А. 2013а. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены. М. : АСТ : CORPUS. 464 с.
- Марков А. 2013б. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. М. : АСТ : CORPUS. 464 с.
- Мартыанов В.С. 2014. Модернизация морально-политических и правовых регуляторов как способ противодействия коррупции // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 14, вып. 2. С. 108-140.
- Моррис Д. 2016. Голая обезьяна : [сборник]. М. : Колибри ; Азбука – Аттикус. 848 с.
- Нисневич Ю.А. 2014. Публичная власть и коррупция: социально-антропологический подход // ПОЛИС : Полит. исслед. № 6. С. 32-51.
- Нисневич Ю.А. 2016. Коррупция: инструментальная концептуализация // Социолог. исслед. № 5. С. 61-68.
- Розов Н.С. 2016. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // ПОЛИС : Полит. исслед. № 1. С. 139-156.
- Bratton M., Van de Walle N. 1994. Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa // World Politics. Vol. 46, № 4. P. 453-489. DOI: 10.2307/2950715.
- Darden K. 2008. The Integrity of Corrupt State: Graft as an Informal State Institution // Politics and Society. Vol. 36, № 1. P. 35-60.

Slager R. 2017. The Discursive Construction of Corruption Risk // Journal of Management Inquiry. Vol. 26, № 4. P. 366-382. DOI: 10.1177/1056492616686839.

Transparency International. 2006. «Corruption Perception Index» [Электронный ресурс]. URL: <https://transparency.hu/en/adatok-a-korrupciolor/vesztegetesi-index/> (дата обращения: 15.05. 2018).

Yury A. Ermakov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Center for Business and Political Communications, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: jury.ermakov@urfu.ru

ABUSE OF PUBLIC AUTHORITY: THE ROLE OF NATURAL BASICS

Abstract. Nowadays, corruption of public authority in public and municipal administration authorities is viewed as a legal, economic, political, or socio-cultural problem. However, in Russian and foreign literature there are no works, which would reveal, with the use of the theoretical analysis, the natural prerequisites for these age-old abuses in the activities of ruling elites in different countries.

Meanwhile, in the author's opinion, natural basics related to the origin and evolution of Homo sapiens with his established specific image as a «political animal» (Aristotle), often force officials to abuse the authority entrusted to them. It is a group of hierarchical instincts inherited by humans from their ancestors-hominids or convergently emerged in conditions of survival similar to that of other ancestral relatives, and for the purposes corresponding to them, which still disposes people to use the power they have for their own benefit. In short, a man like his relatives in nature continues to establish a hierarchy of subordination of individuals in society. Therefore, corruption somehow erases in power holders that manipulate it an invisible border between animals and humans. That is why the imperfection of personal ethics and culture of officials and politicians, and the weakness of public and state control over the performance of their official powers may cause the activation of evolutionary properties of hierarchical and predatory nature of a human being.

The actions of ancestral evolutionary inclinations to embezzle other people's assets based on the hierarchical subordination are disclosed by the author, in particular, by the example of the so-called illegal, *de facto* legalized and traditional corruption in the activities of authorities in different countries. Based on Russian and foreign experience, the paper suggests successful strategies for eliminating corruption degeneration in public management bodies.

Keywords: hierarchy; innate programs of behavior; official powers; rent-seeking behavior; illegal corruption.

References

- Andrianov V.D. *Korrupsiya kak global'naya problema: istoriya i sovremennost'* [Corruption as a Global Problem: History and Modernity], Moscow, Ekonomika, 2011, 304 p. (in Russ.).
- Aristotle. *Politika* [Politics], Moscow, AST, 2016, 384 p. (in Russ.).
- Aristotle. *Politika. Afinskaya politiya* [Policy. Athenian politics], Moscow, Mysl', 1997, 458 p. (in Russ.).
- Bakunin M.A. *Korrupsiya; O Makiavelli; Razvitie gosudarstvennosti* [Corruption. About Machiavelli. Development of Statehood], *Voprosy filosofii*, 1990, no. 12, pp. 69-77. (in Russ.).
- Bratton M., Van de Walle N. Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa, *World Politics*, 1994, vol. 46, no. 4, pp. 453-489. DOI: 10.2307/2950715.
- Darden K. The Integrity of Corrupt State: Graft as an Informal State Institution, *Politics and Society*, 2008, vol. 36, no. 1, pp. 35-60.
- Dolnik V.R. *Estestvennaya istoriya vlasti (okonchanie)* [Natural History of Power, art. 2], *Znanie-sila*, 1994, no. 11, pp. 36-45. (in Russ.).
- Dolnik V.R. *Estestvennaya istoriya vlasti* [Natural History of Power, art. 1], *Znanie-sila*, 1994, no. 10, pp. 12-21. (in Russ.).
- Ermakov Yu.A. *Korrupsiya publichnoy vlasti: rossyiskiy variant. Opyty protivoborstva* [Corruption of Public Authority: Russian Version. Confrontation Experiments], Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2017, 288 p. (in Russ.).
- Jouvenel B. de. *Vlast': Estestvennaya istoriya ee vozrastaniya* [On Power: Natural History of its Growth], Moscow, IRISEM, Mysl', 2011, 546 p. (in Russ.).
- Kuznetsov I.N. (comp.) *Kodeks vozhd'ey i politikov vsekh vremen i narodov* [Code of Leaders and Politicians of all Times and Peoples], Rostov-on-Don, Feniks, 2009, 749 p. (in Russ.).
- Markov A. *Evolutsiya cheloveka. V 2 kn.* [The Evolution of Man, in 2 books], Moscow, AST, CORPUS, 2013. (in Russ.).
- Martyanov V.S. *Modernizatsiya moral'no-politicheskikh i pravovykh regulyatorov kak sposob protivodeystviya korrupsii* [Modernization of moral, political and legal regulators as a way of combating corruption], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2014, vol. 14, iss. 2, pp. 108-140. (in Russ.).
- Morris D. *Galaya obez'yana* [Naked ape], Moscow, KoLibri, Azbuka – Attikus, 2016, 848 p. (in Russ.).
- Nisnevich Yu.A. *Korrupsiya: instrumental'naya kontseptualizatsiya* [Corruption: Instrumental Conceptualization], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016, no. 5, pp. 61-68. (in Russ.).
- Nisnevich Yu.A. *Publichnayavlast' i korrupsiya: sotsial'no-antropologicheskii podkhod* [Public Authority and Corruption: Socio-Anthropological Approach], *POLIS : Politicheskie issledovaniya*, 2014, no. 6, pp. 32-51. (in Russ.).
- Rozov N.S. *Neopatrimonial'nye rezhimy: raznoobrazie, dinamika i perspektivy demokratizatsii* [Non-patrimonial Regimes: Diversity, Dynamics and Prospects for Democratization], *POLIS : Politicheskie issledovaniya*, 2016, no. 1, pp. 139-156. (in Russ.).

Slager R. The Discursive Construction of Corruption Risk, *Journal of Management Inquiry*, 2017, vol. 26, no. 4, pp. 366-382. DOI: 10.1177/1056492616686839.

Transparency International. 2006. "Corruption Perception Index", available at: <https://transparency.hu/en/adatok-a-korrupciolorol/vesztegetesi-index/> (accessed 15 May 2018).

Vaal F. de. *Politika u shimpanze: Vlast' i seks u primatov* [Chimpanzee Politics: Power and Sex among Apes], Moscow, Izdat. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2016, 272 p. (in Russ.).

Vasil'eva vyplatit usherb pered gosudarstvom brilliantami? [Vasilyeva will Pay off with Diamonds?], *Argumenty i fakty*, 2014, June 19, no. 23, pp. 40. (in Russ.).

Zaostrovtssev A. *Kontseptsiya «izvlecheniya renty»: ekonomicheskaya teoriya politicheskogo vymogatel'stva i rossiyskaya praktika* [The Concept of "Rent Extraction": the Economic Theory of Political Extortion and Russian Practice], *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov*, 2000, no. 3, pp. 48-63. (in Russ.).

Zhukov B. *Vvedenie v povedenie. Istoriya nauk o tom, chto dvizhet zivotnymi i kak ikh pravil'no ponimat'* [Introduction to Behavior. The History of Sciences about What Drives Animals and How to Understand them Correctly], Moscow, AST, CORPUS, 2016, 400 p. (in Russ.).